

Прелюдия

Звезда не видно. Ни единой. Хотя взрослые утверждают, что они есть. Даже если сильно-сильно всматриваться — небо тёмное, в расплывчатых разводах разных оттенков серого. Но если очень крепко зажмуриться, а потом резко открыть глаза...

— Same amala oro kelena... Oro kelena dive kerena. Sa o goma, o daje...

Нянюшкина песня летит ввысь, к шпилям Собора, голос Ганны мягок, как пух под крылом птицы из отцовского кабинета, слова на непонятном языке завораживают, зовут вверх. На макушку ложится тёплая ладонь, треплет светлые пряди.

— Вам пора, месье Бойер, — негромко говорит Ганна.

— Веро ещё не вышла. — Мальчик упрямится, капризно кривит губы.

— Мы вернёмся позже, нас привезёт месье Каро. Так велит обряд. Идите же, непоседа.

Мальчик бросает взгляд на окна Собора, мерцающие тёплым светом свечей, вздыхает и спускается по вышербленным широким ступеням. На ходу считает: одна ступенька, две, три... После седьмой сбивается. В шесть лет не зазорно забыть, что после семи идёт восемь. Он оборачивается, чтобы окликнуть Ганну, но нянюшка исчезает в дверях Собора.

— Подайте...

На пути ребёнка вырастает старый нищий в линялом рубище, протягивает руку. Мальчик испуганно отшатывается

в сторону, чуть не падает, запнувшись о ступеньку Собора, и спешит к ожидающей его машине. Нищий провожает его блёклыми слезящимися глазами, осеняет крестным знаменем.

Звонко стуча каблуками, мальчик подбегает к электромобилю и ныряет в салон. Плюхается на сиденье, елозит, устраиваясь поудобнее. Ему нравится, как скрипит искусственная кожа обивки.

— Ты мнёшь мне платье, — сурово замечает мать. — Веди себя прилично.

Мальчик отодвигается в угол, подальше от материнской юбки, от бесчисленных оборок, кружев и бантов. Он не выносит, когда она отчитывает его — всегда сухим, безжизненным тоном. Хочется думать о звёздах — там, выше Купола. И о том, какая красивая его сестра в подвенечном наряде.

— А когда мне можно будет вот так, как Веро? — Он дёргает отца за расшитый рукав куртки.

— Когда подрастёшь. — Тот улыбается — одними уголками рта.

— Ну когда?

— Лет в шестнадцать, — нервно отвечает мать. — Уймись.

— Изабель, — с укоризной окликает её супруг. — Всё ведь хорошо?

— Да-да. Просто расчувствовалась и разволновалась. Едем?

Месье Бойер включает мотор, электромобиль мягко трогается с места. Из темноты перед машиной возникает фигура — в накидке поверх униформы.

— Советник Бойер, подождите!

Шум двигателя стихает. Месье Бойер опускает боковое стекло:

— В чём дело?

— Срочное послание, — выдыхает гонец. Кладёт в руку Советника конверт — и растворяется в ночи.

Азиль

Мальчик вскакивает с места, заглядывает через спинку переднего сиденья и отцовское плечо. С хрустом ломается сургучная печать на письме, шелестит серая шероховатая бумага. Мать в сердцах дёргает мальчика за пояс бархатных штанишек:

— Да сядь же на место!

В тот же момент кольцо, подаренное четырнадцатилетней Веронике Бойер к помолвке, падает с ладони девочки. Подпрыгивая, словно живое, оно катится по каменному полу Собора и, на мгновение задержавшись на краю, скрывается в глубокой расщелине. Вероника коротко ахает, меняется в лице.

Конверт в руках Советника Бойера отчётливо щёлкает и взрывается, залив салон электромобиля ослепительным светом.

I

Виноград

Мяч с силой ударяется об пол, возвращается в детские ладошки. Шестилетняя рыжеволосая девочка кидает игрушку сидящему на диване молодому человеку в джинсах и батистовой белой рубашке:

— Стамбул, — звонко разносится по комнате.

Доминик Каро ловит мяч, медлит.

— Э-э-э... Амелия, Лондон же был?

— Был.

— Тогда Лихтенштейн.

— Не годится, — хмурится девочка. — Это княжество, а мы играем в города.

— Лувр! — хитрит её партнёр по игре.

— Дядя Ники, это нечестно.

Тот крутит мяч на кончике пальца, роняет на пол. Амелия подхватывает игрушку, смотрит с укоризной.

— Луго. Лион. Лаhti. Лос-Анджелес. Лас-Вегас. Лаппенранта, — чеканит почти по слогам.

— Ну всё, ты меня сделала, малявка! — Ники смеётся. — И каков твой выигрыш?

— Ты сегодня никуда не едешь, сидишь дома и учишь города, — выносит суровый вердикт Амелия.

Ники встаёт с дивана, потягивается, ерошит коротко стриженные тёмно-русые волосы. Внезапно хватает диванную подушку и запускает её в Амелию. Девочка ловко

Азиль

прячется за спинку кресла, подушка вылетает в открытое окно.

— Месье Каро, это недостойный взрослого поступок! — верещит Амелия, ползком перебираясь под стол.

Молодой человек ловит её за подол пышного розового платья, выуживает из убежища. Ставит перед собой и, на-свистывая, поправляет помятые оборки и бантики на юбке, заправляет рыжую прядь под расшитую жемчугом сетку для волос.

— Мадемуазель Каро, — Доминик включает менторский тон, — напоминаю вам, что взрослым замечания могут делать только взрослые. И уж никак не шестилетние конопчатые кареглазки. Я вами обижен, удаляюсь в изгнание в спортзал.

Амелия гневно фыркает, толкает его в живот двумя руками и, подхватив подол платья, выбегает из комнаты.

— Запрись в своём спортзале и сиди там, учи города! — слышится из коридора. — Ты наказан, наказан, наказан!

— Конопуха противная, — бубнит под нос Ники, подбегает мяч и бросает его об стену. Ловит, отправляет обратно. И ещё раз. И ещё.

Дребезжат в старинном шкафу чашки из тонкого фарфора, угрожающе кренился набор картина в бронзовой раме. Мяч то глухо ударяет в стену, то звонко бьётся о ладони. Во время очередного броска с комода на пол падает тяжёлый старый подсвечник. Чертыхнувшись, Ники кидается водружать его на место, а когда оборачивается, видит стоящего в дверях старшего брата.

— Доминик, какого чёрта?

Тридцатипятилетний Бастиан Каро очень зол. Чёрные густые волосы, обычно аккуратно причёсанные, сейчас взлохмачены, небритая щека нервно подёргивается, глаза близоруко припухлы.

— Мне на совещание ехать послезавтра, я работать пытаюсь! — рычит он, потрясая свитком из грубой кукурузной бумаги. — Вали отсюда подальше и круши стены там!

Доминик изображает на лице самую любезную из улыбок и прячет мяч за спину.

— Э-э-э... извини, братец, мы с племянницей заигрались в города, — виновато оправдывается он.

Бастиан усмехается, кивает.

— Я всё никак не привыкну, что ты у нас в семье вечный ребёнок. Ничем не занят, ветер в голове, — язвительно говорит он.

Младший брат всё ещё улыбается, но карие, как и у Бастиана, глаза грустнеют.

— А чем мне заниматься, если я для всех — лишь запасной вариант тебя? Ты заседаешь в Совете Семи, мне там места нет. И всех талантов — трепать языком и очаровывать баб.

— Месье Каро? — вежливо окликают Бастиана из коридора.

Он оборачивается и поспешно проходит в комнату, пропуская служанку. Женщина в белой косынке и форменном серо-голубом платье заходит, неся поднос с кистью винограда, бокалом вина и тремя кукурузными лепёшками, бережно ставит ношу на маленький столик с резными ножками.

— Месье Доминик, вы распорядились, — говорит служанка кротко, почтительно кланяется.

— Спасибо, Мари, — кивает Ники. — Возьми пару ягод, они вкусные.

Женщина качает головой, пряча глаза.

— Да они и так их воруют на кухне, — фыркает Бастиан и указывает служанке на дверь: — Всё, свободна.

Мари снова кланяется, приседает в реверансе. Доминик пользуется моментом и наступает ей на длинную юбку. Женщина охает, услышав треск рвущейся ткани, испуганно выбегает прочь. Каро-младший хохочет, довольный своей выходкой, и падает на диван.

— Везде есть свои плюсы, братец! Ты весь такой серьёзный, по уши в работе, уважаемый весь... А я просто живу. Так, как мне нравится.

Азиль

Он отщипывает от виноградной кисти тёмно-фиолетовую ягоду, кидает в рот.

— Поехали вечером со мной к плебеям? Покажу, на что готовы трущобные девки за одну такую ягоду.

— Меня тошнит от одной мысли о сексе с подобными... — Бастиан морщится, щёлкает пальцами и подыскивает нужный термин: — Грязнухами.

— Может, ты, братец, неправильно сексом занимаешься? И девочек тамошних недооцениваешь. Попадаютются и настоящие сокровища. Всё поинтереснее твоей скучной жены.

Бастиан разворачивает мятый свиток, снова скручивает в трубку. Проходит в комнату, неслышно ступая по мягкому ковру, присаживается рядом с братом на диван. Делает маленький глоток из бокала с вином, закусывает лепёшкой.

— Жена, Ники, — это аксессуар. Положено Советнику иметь жену и ребёнка — изволь соответствовать. А уж скучная она или нет — дело десятое. Без неё я бы сейчас не занимал свою должность. Её дело — растить Амелию, сопровождать меня на официальных приёмах и дома не мозолить мне глаза. А то, что она глупа, — не мои проблемы.

— Ну глупой я её не называл. А что она скучная — это как раз твоя вина, Бастиан. Побольше внимания ей, что ли. Ущипни пару раз за задницу, скажи, что у неё классные сиськи, закажи портнихе для неё платье, как у уличных девок. Это освежит ваши отношения!

Поперхнувшись от услышанного куском лепёшки, Бастиан Каро смотрит на младшего брата насмешливо.

— О, эксперт выискался! На своих трущобных потаскухах мастерство оттачивал?

— Ну у меня с женщинами всяко лучше твоего, — невозмутимо откликается Доминик. — Ты же не станешь это отрицать?

— Не вздумай свои «отношения» приводить в дом!

— А и приведу! — с вызовом отвечает Ники и залпом допивает вино.

Через час его электромобиль отъезжает от резиденции Каро в сторону Восточного пропускного пункта.

Дорога пустынна. Жители Ядра посещать Второй и Третий круг без крайней необходимости не любят, велорикши стараются не ездить по темноте, потому Доминик безбоязненно выжимает из своей машины максимальную скорость. Позади электромобиля исчезают в облаке пыли километры кукурузных и соевых полей, летят из-под колёс мелкие камни. Ники смотрит на праделовы часы, охватывающие левое запястье, хмурится.

Электромобиль проносится мимо фруктового сада, сад сменяется широкой полосой виноградников. Фрукты и виноград — роскошь, доступная только обитателям Ядра, элите Азиля. Простолюдины довольствуются лишь соей и кукурузой. И комплексными добавками, разработкой которых занимается Советник Каро — старший брат Доминика, Бастиан.

Доминик поправляет на сиденье жестяную коробку, набитую виноградом, улыбается своим мыслям. Что для членов его семьи и их ближайшего окружения — просто еда, для жителей Второго и Третьего круга — настоящие сокровища. И пусть старший брат бесится в своё удовольствие, считая, что Ники разбазаривает добро.

По обеим сторонам дороги растёт кукуруза. Высоченная, увенчанная крупными початками. Ещё месяц — и можно будет собирать первый из трёх годовых урожаев. Свет фар, выхватывающих из темноты дорогу, слабеет. Аккумулятор электромобиля переходит в режим экономии энергии. Но Доминик не сбавляет скорости. Он точно знает, что заряда хватит до станции на пропускном пункте между Вторым и Третьим кругом. Расстояние просчитано им идеально и проверено десятки раз. Ещё полчаса по пустой дороге — и он у цели.

Азиль

Наконец-то далеко впереди брезжит свет, поля заканчиваются. Доминик сбавляет скорость, проезжает мимо длинных ангаров, в которых хранят урожай, маленьких домиков обслуживающего персонала, насосов, что гонят воду от реки к садам и полям. На развилке сворачивает направо — к пропускному пункту. За спиной остаётся дорога, ведущая к городскому саду, жилым кварталам, заводам и кафедральному Собору Азиля.

Электромобиль переезжает мост через реку, медленно едет вдоль десятиметровой бетонной стены, которая длится в обе стороны, насколько хватает взгляда, и останавливается перед массивными подъёмными воротами. Доминик вылезает из машины, подходит к решётке ворот и звонит в закреплённый на стене колокол. Почти мгновенно с другой стороны подбегает охранник в тёплой куртке, почтительно кланяется, вращает колесо механизма, поднимающего металлический частокол.

— Доброго вечера, месье Каро! — одышливо пыхтит стражник.

Доминик напускает на себя высокомерный вид, приветствует его кивком и возвращается в электромобиль. Машина проезжает через ворота, паркуется возле генератора.

— Зарядить полностью, — распоряжается Ники.

— Слушаюсь, месье.

Забрать с переднего сиденья коробку с виноградом, поплотнее запахнуть короткую куртку. Чем дальше от Ядра Азиля, тем холоднее ночи и жарче дни: особенности грязной, бедной кислородом атмосферы. Доминик косится на тонкую трубочку носового катетера, идущую вдоль правой скулы охранника и исчезающую за ухом — там, где закреплён на шее воздушный фильтр. Без фильтра на окраине не выжить. Действие защитного купола Азиля здесь слабое, долго дышать воздухом с примесью диоксида азота опасно. Это одна из причин, по которой матушка Доминика закатывает истерики, когда её младший сын удирает в трущобы.

Ники смотрит на подрагивающие стрелки часов, едва различимые в свете газового фонаря, хмурится и припускает бегом по направлению к городской окраине. Он не любит опаздывать.

Старательно огибая прохожих, не забывая улыбаться и подмигивать встречным девушкам, Ники минует маленький жилой квартал и оказывается на пустыре, отделяющем высотки от городской свалки.

«Как можно жить в этих домах? — думает Ники, морщась от запаха отбросов. — С такой-то вонищей по соседству. Особенно летом, когда жара. А ещё говорят, преступники прячутся на свалке от полиции под горами мусора. Не верю. Вон какие тут крысы здоровенные, наглые. Готов поспорить, стаями на людей нападают и жрут».

Доминик пересекает пустырь, внимательно глядя под ноги, проскальзывает за калитку, рукавом куртки цепляется за проволочную сетку, дёргает так, что вся ограда ходит ходуном. Охранник бросает на него сердитый сонный взгляд, но даже не пытается остановить. За месяц он привык, что этот парень постоянно заявляется сюда по вечерам. И ему точно нужны не вещи, которые можно обменять на рынке. Ники следует мимо череды припаркованных на ночь мусоросборочных машин, перепрыгивает через рельсы, по которым вагонетки, наполненные барахлом, гонят в подземные цеха на переработку. Мельком косится на отсортированное за день, но пока не погруженное: аккуратные горки раздельно лежащего тряпья, пластика, битого стекла, металла, целлюлозных отходов. В стороне на корточках сидят пятеро мальчишек и разбирают на детали что-то напоминающее стеллаж. Ники думает, что вся техника Азиля зависит от мусора. Большинство отходов идёт на топливо, ещё часть — на вторичное использование. Забавно: месяц назад он об этом даже не знал.

Доминик обходит маленькое административное здание, возле которого, как обычно, мнутя перекупщики старья. И, судя по внешнему виду, перекупщикам живётся неплохо.

Азиль

«А ведь и правда: можно вообще не работать, — размышляет Ники. — Просочился на свалку, поковырялся в том, что сюда свозят, нашёл ту же старую посуду или одежду, из которой вырос ребёнок, — и носи себе, выменивай на купоны. Правда, если охранник тебя заловит и при тебе не будет разрешения от администратора, можно и по шее получить».

Конечно, Ники Каро приходит сюда совсем не за мусором. Здесь, на сортировке, работает по вечерам главная причина недовольства его родителей. Вот же она — робко мнётся на границе тени и света тусклого уличного фонаря.

Делая вид, что не видит её, Ники украдкой косится на длинные ноги в ярких сапожках и застиранных штанах, замечает тёмное пятно на коленке: прилип кусочек водоросли. Взгляд скользит выше — по бурому, растянутому от долгой носки свитеру, прижатым к груди кулачкам. «Она каждый раз так меня встречает. Стоит в полутени, сжав кулаки на груди, — думает Доминик — и не может сдержать улыбку. — Вот сейчас...»

— Ники-кун, — окликает его робкий голос обладательницы мешковатого свитера.

— Кейко-о-о! — радостно вопит Доминик, раскидывая объятия. — А я тебя высматриваю-высматриваю... Думал — ушла, не дождалась, нашла другого.

Даже при плохом освещении видно, как девушка краснеет. Раскосые тёмно-карие глаза наливаются слезами, губы обиженно сжимаются. Ники становится стыдно за глупую шутку — но лишь на мгновение. Он подбегает к Кейко, осторожно обнимает её.

— Ну же, прости. Я так не думал. Глупо пошутил, извини.

Она молча кивает, утыкается лбом ему в плечо. Доминик оглядывается, ловит заинтересованные взгляды перекупщиков и быстро шепчет в прикрытое длинными тёмными волосами ухо девушки:

— Пойдём отсюда, пока вон тот мужик от зависти не лопнул. Я кое-что тебе привёз.

Кейко неуверенно пожимает острыми плечами:

— Не надо подарков, Ники-кун. Я и так...

— И слушать ничего не желаю, — закатывает глаза Доминик. — Подарки — это моё личное и добровольное дело. Так? Ну и вот. Не понравится — выбросишь. Или отдашь своей злюке-сестрице.

Молодой человек вкладывает ей в ладонь плитку прессованных сухофруктов и увлекает девушку за собой. Они покидают свалку, идут узким пыльным переулком, спотыкаются обо что-то в темноте. Доминик раздражается фонтаном неизысканных ругательств, Кейко нервно смеётся.

— Валите отсюда, чёртовы гуляки! — откликается из-под груды мусора сонный голос.

— Ты бы не спал на земле, приятель, — нейтральным тоном советует Ники. — Синий лёд...

И резко смолкает, уворачиваясь от летящего бульжника.

— Катись, умник! — несётся из-под хлама. — Какая разница, как подышать!

Ники уже не слушает, быстрым шагом удаляется прочь. Кейко почти бежит за ним, то и дело оглядываясь назад. Догоняет, бережно касается локтя. Парень с грустной усмешкой обнимает её за плечи, целует в щёку.

— Уведи меня куда-нибудь, Кей. Давай сбежим. Достали все.

— Куда ты хочешь?

На секунду он задумывается, сбавляет шаг.

— Две вещи никогда в жизни не видел: море и небо. Отведёшь?

Кейко грустно качает головой. В раскосых глазах читается испуг.

— Нельзя. Там опасно для тебя.

Ники гладит щёку девушки, касается трубочки носового катетера.

— Кей, мы ненадолго. Я знаю, что воздух не убивает сразу, если ты без защиты. Ты в безопасности, а за себя я не